

МНЕМОЗИНА ВЛАДИМИРА НАБΟΚОВА

Правда онтологической памяти

Вопрос о памяти занимает особое место в творчестве Набокова, что многократно отмечалось исследователями¹. Известна его феноменальная способность запоминать и описывать мелкие детали реальности, а также специфическая автобиографичность текстов². Не случайно описание «ткани времени» в «Аде» Набоков считал своим важнейшим достижением как художника³. Персонажам набоковских романов присуще стремление осознать предметы в полноте их смысловых возможностей, а истина оправдывается перспективой абсолютного видения. В «Даре» отец Чердынцева рассказывает притчу о человеческом оке, которое хотело бы вместить в себя реальность во всей ее полноте, однако оказалось не в состоянии этого сделать⁴. Заведомая неполнота того, что Набоков считал основой личного бытия человека, стала проблемой, тревожившей писателя на протяжении всей жизни. Решение нашлось в идеале «всевидящего ока» Вселенной, вариантом, компонентом и частным случаем которого является художник, в своем индивидуальном видении обеспечивающий возможность самосознания Вселенной.

В таком понимании космической функции человеческого сознания коренится причина того, что в творчестве Набокова не ставится

¹ М. Маликова отмечает как важнейшее свойство Набокова его «сильную память», или «память мнемониста» (Маликова, Мария. В. Набоков. Автобиография. СПб., 2002. С. 151–153).

² См. об этом: Рязузова Л. Н. Концептуализированная сфера «творчество» в художественной системе В. В. Набокова. Краснодар, 2000, С. 72–81. — Б. В. Аверин отмечает сюжет «тотального воспоминания» в романах Набокова, память является «центральной темой, прошедшей через все его творчество и объединившей его в некий единый текст» (Аверин Б. Дар мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С. 7, 5.).

³ Интервью Марте Даффи и Р. З. Шеппарду 1969 г. // Набоков о Набокове, и прочем. М., 2002. С. 245.

⁴ Набоков В. В. Дар // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 121.

вопрос о достижении какой-либо общественно ценной цели: реальным оправданием бытия человека оказывается приближение к состоянию «всевидящего ока» Вселенной и максимально интенсивный процесс фиксации впечатлений и мыслей. Отсюда любая мысль, независимо от ее общественного звучания, может оказаться ценной, не слишком важно перемещение тела в пространстве, важнее уточнение и реализация своего видения как части «ока» и памяти Мироздания. В. Е. Александров верно отмечает, что поэтическое воображение писателя «проникает в область трансцендентного»⁵. Игра в шахматы — деятельность не менее ценная, чем разработка архитектурного проекта, который потом может быть осуществлен в виде некоего здания. Спасительная неуничтожимая вечность достигается мыслительным процессом, в котором нет ничего лишнего и случайного. Поэтому все события и явления в мире, даже такие хрупкие и недолговечные, как внешний вид только что сорванных цветов, хранятся в Мироздании вечно⁶.

По Набокову, человеческие жизни, как все другие жизни, существующие во Вселенной, суть необходимые нити той ткани, из которой состоит Вечность. Поэтому в рамках участия индивидуума в «оке Вселенной» не оказывается качественных отличий между «своим воспоминанием» и воспоминаниями других людей⁷. Участвуя во Всемирной Памяти, индивидуальные видения людей связываются двумя основными функциями: 1) реализацией своеобразной точки зрения на мир и накоплением в ней уникальной информации; 2) осознанием этой функции и сознательным служением ей. Минуты счастья ассоциировались для писателя с ситуацией ясного осознания этой функции оправдания жизни и спасительной сверхзадачи:

«дается смертному редкий случай заглянуть за свои пределы, а дается этот случай нам наяву, когда мы в полном блеске сознания, в минуты радости, силы и удачи — на мачте, на перевале, за рабочим столом... И хоть мало различаешь во мгле, все же блаженно верится, что смотришь туда, куда нужно»⁸.

⁵ Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999. С. 41.

⁶ «Свежесть цветов, из которых помощник садовника составляет букет... (...) абсолютно вечна, бессмертна, ей никогда не измениться...» (*Набоков В. В.* Два интервью из сборника "Strong Opinions" // В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1997. С. 141).

⁷ Это поразительное качество мнемоники Набокова зафиксировал Б. Аверин: в романе «Дар» «чужие мемуарные свидетельства становятся живым личным воспоминанием Годунова-Чердынцева» (*Аверин Б.* Дар Мнемозины. С. 30).

⁸ *Набоков В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 157.

Отсюда следует, что если сознание человека есть часть сознания Вселенной, а человеческое «время» есть часть Вечности, значит, нужно увидеть и описать «все, что я способен в ней различить, и сделать это настолько точно, насколько это человеку по силам»⁹. Высшим достижением «ткани» Мнемозины, по мнению Набокова, является верное соединение «части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре былого»¹⁰. Из этого ясно, что у Бытия есть и черновая, и беловая партитура, другими словами, сюжет мировой истории изменяется одновременно на всем его протяжении: в будущем, прошлом и настоящем. Эта идея заставляет вспомнить концепцию А. Бергсона о самотворящейся Вселенной, существующей вне времени симультанно и неразделимо.

А. Бергсон писал о памяти как о средстве идентификации человека и условия бытия; по его мнению, в памяти человека реализуется мыслительный потенциал мировой субстанции. В посвященном этому вопросу труде — «Материи и памяти» развивается мысль о том, что память — это интегрирующий момент познания, который обуславливает роль и значение человека во Вселенной. Ведь если мышление человека тесно связано с Целым мировой субстанции, то память оказывается не простой функцией мозга как биологической машины, но чем-то значительно большим: «мозг составляет часть материального мира, а не материальный мир — часть мозга»¹¹. С другой стороны, само понятие о цельном Мироздании заключено в нашем сознании как прямое выражение нашей принадлежности Сверхсознанию Вселенной. Бергсон пишет: «Устраните образ, носящий имя материального мира, и вы тем самым уничтожите и мозг», если же «исчезают эти два образа — мозг и его молекулярные возбуждения: согласно нашему допущению, мы не устраняем при этом ничего, кроме них самих, то есть нечто совершенно ничтожное, незначительную деталь грандиозной картины. Картина в ее целом, то есть вселенная, остается нетронутой»¹². Хотя, разумеется, чтобы вывести эту картину из «латентного» состояния, необходимы некие «проблески света» — индивидуальные сознания, которые «освещают ее неожиданными лучами». Процесс связывания индивидуального сознания и мировой субстанции имеет форму «восхождения», творчество утверждается Бергсоном как категорический императив, обусловленный свободой: «сознание, представляющее собой по-

⁹ Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 3. С. 596.

¹⁰ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 236.

¹¹ Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 168.

¹² Там же.

требность творчества, проявляется только там, где творчество возможно»¹³.

Набоков утверждал, что память Вселенной насущно нуждается в точке сознания, сфокусированной в какой-либо точке ее безграничного поля («произвольных очках Мнемозины»), и только располагая такого рода элементом, онтологическая память начинает выводить в план выражения свои информационные ресурсы. Повествователь Лолиты в связи с этим отмечает, что при интенсивном включении своего сознания в контекст бытия и сосредоточении его на некоем объекте, возникает эффект «особого состояния», при котором субъект чувствует себя непосредственно связанным со всем бытием в целом¹⁴. Важна длительность как таковая; входя в состояние «чистой длительности», художник свою память делал «струной» мировой эволюции и тем самым сообщал своей памяти качество онтологической памяти Вселенной. Набоковский герой легко подключался к этой вечно живой онтологической памяти, извлекая из нее данные, подобно тому, как сейчас каждый из нас берет необходимые сведения из Интернета — их не всегда необходимо помнить, держать в памяти, но они в ней существуют как бы за скобками. Об этих специфических скобках говорит Набоков:

Я позволил раскрыться некоторым тесным скобкам, которые излили свое все еще живое содержимое. Бывало и так, что какой-то предмет, бывший просто заменой, выбранной наугад, и не имевшей никакого фактического значения в описании важного события, все беспокоил меня каждый раз... пока, наконец, я не делал большого усилия, и вид сквозь произвольные очки (в которых Мнемозина, должно быть, нуждается больше, чем кто-либо другой) превращался в ясное воспоминание¹⁵.

Ту же мысль Набоков высказывает в «Strong Opinion»: деятельность художника представляет собой «форму памяти», предполагая участие в этом деле некоего «посредника»¹⁶.

Память обеспечивает реальности цельность и единство, ведь если субстанция несет в себе, пусть в весьма малой мере, нечто от сознания, то, если бы не было памяти, она утратила бы континуальность и распалась на отдельные фрагменты. Чем выше уровень развития сознания, тем глубже и точнее память, следовательно, во времени

¹³ Бергсон А. Материя и память... С. 254.

¹⁴ Набоков В. Лолита. М., 1989. С. 355.

¹⁵ Набоков В. В. Предисловие к автобиографии "Speak, Memory: An Autobiography revisited" // В. В. Набоков: Pro et contra. С. 98.

¹⁶ Набоков В. В. Дар // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. С. 31, 40, 78.

возрастает напряжение, и связь между настоящим и прошедшим укрепляется. Линия эволюции характеризуется тем, что сознание «все лучше и лучше удерживает прошлое», а это, в свою очередь, «позволяет ему организовать это прошлое в одно целое с настоящим, объединив их в более осмысленном и обновленном решении»¹⁷. Человеческий мозг — это функциональный орган Вселенной, доверенный человеку постольку, поскольку ему свойственна свобода, а память — доверенная ему сверхсознанием часть идентификации себя с Вселенским Разумом. Набоков верил в неотделимость своей памяти от сознания Мнемозины. Безграничное, как оно видится человеку, время, по мнению Набокова, это «круглая крепость»¹⁸, другими словами, в нем отсутствует линейность, речь идет о той же фактической одновременности существования «прошедшего и будущего»¹⁹. Из специфической ответственности за свои жизненные впечатления проистекает его внимание к деталям, особенно — легко исчезающим, неустойчивым явлениям, например, как нечто важное, он фиксировал «рябь и светлые прогалины... испещренные черными точками лысух и вихрастых уток» на поверхности Женевского озера²⁰.

Очевидна связь, существовавшая в сознании Набокова между видением художника и идеей вечности, непрерывно длящейся в своем прошлом и будущем, доступной человеку лишь в виде краткого текущего мгновения настоящего. Посредством приближения своего видения к идеалу «всевидящего ока» возможно неценное сделать ценным, любую «неопределенную кляксу можно заставить войти в чудесный фокус»²¹. «Чудесный фокус» обладает, по его мнению, следующей особенностью: войдя в него, можно вспомнить не только то, что давно забыл, но даже то, чего ранее не знал, «так что узнаешь внезапно представший пейзаж и вспоминаешь имя анонимного слуги»²². Писатель был уверен, что его произведения существовали еще до того, как он их написал²³. Работа художника слова — лишь означивание того «совершенства», которое «уже существует где-то», как предположил Набоков, рецензируя философский труд²⁴. Речь идет о тотальной памяти Всего обо Всем, и писатель, создающий свои «вымыслы», оказывается мощнейшим генератором процесса воспо-

¹⁷ Бергсон А. Материя и память. С. 317.

¹⁸ Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., Т. 4. С. 146.

¹⁹ Аверин Б. Дар Мнемозины. С. 94.

²⁰ Набоков В. В. Предисловие к автобиографии "Speak, Memory". С. 97.

²¹ Там же. С. 99.

²² Там же.

²³ Сходную идею вкладывает в уста героя «Мастера и Маргариты» М. А. Булгаков («рукописи не горят»).

²⁴ См.: Александров В. Е. Набоков и потусторонность. С. 41.

минания Вселенной о себе самой. Отсюда становится возможно вспоминание о том, чего еще не было, в «Даре» прямо говорится о возможности увидеть и изобразить «невидимое»²⁵. В «Даре» сформирована мысль о том, что бытийная задача человека — помнить и записывать, другими словами, участвовать в онтологической памяти Вселенной, интуитивно соприкасаясь с ней, черпая оттуда сведения и влагая в него итоги своего видения²⁶. Чердынцев говорит Зине: «Я как будто помню свои будущие вещи, хотя даже не знаю, о чем будут они. Вспомню окончательно и напишу»²⁷.

Случай прямого слияния сознания человека с «Мнемозиной» описывается в рассказе «Ультима Туле». Смысл беседы Синеусова и Фальтера фактически повторяет мысль «киргизской сказки» из «Дара»: эта информационная сверхреальность, очевидно, связана с человеческим сознанием, хотя ее невозможно охватить интеллектом человека. Человеческое сознание способно получать оттуда данные по крупницам, случайно и не всегда в адекватном виде, чаще в образе осколков разбитой посуды. Усилием мысли можно попытаться собрать из этих осколков нечто, напоминающее первообразец, однако необходимо, чтобы налицо были ВСЕ осколки (что априорно невозможно) и чтобы они сложились единственно верным образом (что маловероятно). Кроме того, мало людей, способных соединиться с мнемонической реальностью Мироздания, так как это знание не укладывается в рамки разума, который работает по примитивной логической схеме, состоящей из «да» и «нет». Формальная логика как порождение органической ограниченности Гомо Сапиенс исказит любую истину, стоит лишь попробовать ее выразить в виде силлогизма. Интеллект — это то, что претит героям Набокова, они принципиальные борцы со своим интеллектом, подобно А. Бергсону, пытаясь сосредоточиться на непосредственных данных связи своего сознания со Сверхсознанием Вселенной, с тем, что французский философ называл «интуицией». Приобщение к онтологической памяти расширяет пределы обычного человеческого видения и становится ясно недоступное, трагедия героев Набокова в том, что они предпринимают для этого интеллектуальные усилия.

Мнемозина, по мнению Фальтера, имеет ответы на те вопросы, которые мы не в состоянии задать, но не отвечает на те вопросы, которые мы в состоянии задать, ибо они лежат в такой плоскости,

²⁵ Набоков В. В. Дар. С. 173.

²⁶ В. Александров замечает, что будущие вещи для Набокова «существуют в какой-то сверхъестественной сфере, вне пределов ограниченного временем мира, и Федор... только записывает их» (Александров В. Е. «Потусторонность» в «Даре» Набокова // Набоков В. В: Pro et contra. С. 387).

²⁷ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 174.

что в системе онтологического знания теряют значение²⁸. Такие понятия как «бытие», «небытие», «смерть», «жизнь», «истина», «ложь», «время» и «вечность», — лживые формулировки, которые заслоняют от нашего сознания истинное положение вещей в мире, подобно единице в математике или «времени» и «пространству» в физике, они лишь костыли познающего рассудка. Сам Фальтер последовательно открывает файлы этой гигантской библиотеки, осознавая, что не может открыть их одновременно в количестве двух и больше. Сходная мысль содержится в «Strong Opinion»: Набоков указывает на ограниченность человеческого сознания чувством времени, которое связывает его возможностью стать неким «сознанием без времени» — только в рамках этого типа сознания можно приблизиться к правде реальности, преодолевая искажения нашего видения. Обладатель такого типа сознания, Фальтер, как он сам замечает, «проговорился» «двумя-тремя» словами, открывающими истину, но которые не уловил его собеседник. Это явная мистификация Набокова: Синеусов не может их найти потому, что это слова повествователя, обращенные к читателю: «память может жить без головного убора»²⁹, заметим, что с этой фразы начинается рассказ. Другими словами, онтологическая память Вселенной бытует независимо от мозга отдельного человека: существует и в нем, и без него. Человеческое «я» и Мироздание находятся в неразрывной связи, и то, что видит человек, есть достояние Мнемозины, в ее память входит все, что видел и пережил любой из живших и живущих на Земле людей. Головной убор не более ценен, чем то, на что он надет; заметим, что для Фальтера важна не столько «истина», сколько информационная «отдача» при соприкосновении с Мнемозиной³⁰. Это соприкосновение описывается как интимный акт, который не может быть передан в лизинг другому, истина носит трансцендентальный характер и не может участвовать в общении отдельных Гомо Сапиенс между собой.

В «Speak, memory» Набоков детально описывает качество связи творческой индивидуальности с Мнемозиной, которое определяется уровнем «cosmic synchronization», закона взаимосвязи вещей в подчинении принципу красоты, от чего прямо зависят насыщенность, полнота отражения реальности и интенсивность отклика «ока». В описании «космической синхронизации» формулируется представление о том, что поэт — это человек, который бытийно актуа-

²⁸ В связи с этим А. Пятигорский замечает: «Задавать вопрос о своей судьбе бессмысленно, ибо мы не знаем, ни о чьей судьбе идет речь, ни о чем своем» (*Пятигорский А. Чуть-чуть о философии Владимира Набокова* // В. В. Набоков: Pro et contra. С. 346).

²⁹ *Набоков В. В. Ultima Thule* // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 438.

³⁰ Там же. С. 454.

лизирует свое место во времени, подчиняясь зову вечности³¹. «Синхронизация» информации, принадлежащей одновременно и памяти индивидуальности, и памяти Вселенной, помогает преодолеть чувственную ограниченность человека; временное видение мира изнутри сознания индивидуального «я» сливается с вневременным симультанным фондом онтологической памяти: «вся вселенная входит в тебя, а ты сам полностью растворяешься в окружающей вселенной. Стены темницы твоего “я” неожиданно рассыпаются, и “не-я” врывается извне, дабы спасти узника, и без того уже пляшущего на свободе»³². Эстетически полноценное видение мира придает силы набоковской Мнемозине, любовь оказывается вариантом тяготения, специфическим для человеческого существа. С ее помощью он обращает временное в вечное, приобщая движущийся «текущий момент» индивидуального бытия к мировой памяти Вселенной: «Я думаю, что все дело в любви: чем больше ты любишь воспоминание, тем оно сильнее и оригинальнее»³³. Реальность воспринималась Набоковым как сумма впечатлений и наблюдений индивидуальных видений, систематизированных внутри вечного и общего для всех мнемонического фонда, «Реальность ... постепенное накопление сведений»³⁴.

По его мнению, помимо способности разворачиваться к индивидуальности нужными сторонами своего информационного фонда, всемирная память обладает еще одной особенностью — структурной иерархичностью: Набоков описывал свою «Мнемозину» в виде иерархии знаков, каждый из которых состоит из знаков более низкого уровня. Называя это свойство «специализацией», писатель говорил о том, что по мере спуска по этой лестнице все же «нельзя подобраться достаточно близко» к истине, потому что реальность — это не только «бесконечная последовательность ступеней, уровней восприятия», но и набор «двойных донышек», который делают ее имманентно загадочной³⁵. Речь идет о том, что человек не может расположить точку видения одновременно в нескольких временах или в нескольких частях «пространства». А. Бергсон называл это «кинематографичностью» восприятия: в один момент мы видим только один кадр бесконечной ленты. Такой способ восприятия, объясняющийся органической недостаточностью Гомо Сапиенс, не дает ни малейшего шанса увидеть реальность, какова она есть, как зритель

³¹ В. В. Набоков: Pro et contra. С. 743.

³² Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл. С. 71.

³³ Набоков В. В. Два интервью из сборника “Strong Opinions” // В. В. Набоков: Pro et contra. С. 141.

³⁴ Там же. С. 139.

³⁵ Там же. С. 139–140.

в кинозале, смотрящий фильм, не может симультанно воспринять все кадры фильма³⁶. Продолжая эту мысль, Набоков в «Других берегах» описывает юношу, страдающего «хронофобией»; его, находящегося во враждебном по отношению ко времени положении, особенно поражает фильм, снятый до того, как он родился, и особенно пустая, без младенца, детская коляска, которая ассоциируется в его сознании с гробом на колесах. Творчество для Набокова оказывается усилием по преодолению своей ограниченности: «себя я не вижу в вечности лишь из-за земного времени, глухой стеной окружающего жизнь»³⁷. Тема специфической «щели» видения настоящего между темным прошлым и будущим постоянно появлялась в его интервью³⁸.

Набокову не нравилось, как устроен Гомо Сапиенс, он с презрением отзывался об «организованных экскурсиях по антропоморфическим парадизам»³⁹. Познание человека ограничено его опытом, подсказывающим априорные решения для всего малоизведанного и непонятого: «нельзя себе представить то, что не с чем сравнить»⁴⁰. В рамках этой идеи все сущее пребывает в сфере высшего Настоящего, в то время как мы попросту лишены возможности его увидеть из-за привязки к «здесь-теперь», которое обеспечивается органической животной телесностью: «все есть некое настоящее, которое как сияние находится вне нашей слепоты»⁴¹. Это заставляет признать онтологическое равенство всех отрезков «длительности» Континуума, где все прошедшее и все будущее существуют в реальности «одновременно» и наравне с текущим «настоящим». Как говорит герой «Дара», «загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия»⁴², проблема заключается лишь в неспособности человека видеть Вечность во всем объеме ее реальности.

Отсюда возникает тема преодоления главного недостатка человека — его связанности фактором «здесь-теперь». Согласно представлениям Набокова, время есть не просто инструментально зафиксированная длительность, но простое внешнее впечатление от того, как работает сознание. «Время без сознания — мир низших животных, время плюс сознание — человек, сознание без времени — некое

³⁶ Ср.: «Знание Фальтера не есть знание обо всем одновременно» (Пятигорский А. Чуть-чуть о философии Владимира Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. С. 346).

³⁷ Набоков В. Другие берега // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 136.

³⁸ Набоков В. В. Pro et contra. С. 743–744.

³⁹ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 295.

⁴⁰ Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. С. 173.

⁴¹ Там же. С. 308.

⁴² Там же. С. 277.

еще более высокое состояние»⁴³. Набоков искал такую возможность в своем творческом процессе, этим же заняты и его герои. Чердынцев в «Даре» обладает «многопланнным» мышлением и «чувством звездного неба»⁴⁴, способен видеть реальность одновременно с нескольких точек зрения. Если Бергсон указывал на то, что сознание, пробегая через материю, создает человека как возможность части вступить в диалог со всем Целым, то Набоков, параллельно этому, указывал, что человека отличает от других существ эта способность быть сознательной частью Сверхсознания Вселенной, формируя «осознание осознания бытия»⁴⁵.

Согласно теории Чернышевского в изложении повествователя «Дара», искусство есть максимум той ограниченной формы видения мира, которая доступна Гомо Сапиенс, и потому она замена или приговор, но отнюдь не ровня жизни. Отсюда набоковский пессимизм относительно возможностей прагматического разума и надежда на творческую интуицию, помимо логики связывающую человеческое «я» с реальностью. Герои писателя указывают на возможность причастности человека к Вечности мироздания, которая вовсе не требует от человека непосильного для него диалога с самим собой, но предоставляет ему очевидную бытийную устойчивость. Годунов-Чердынцев в «Даре» цитирует из «Беседы о тенях» Делаланда, его любимого автора, мысль о том, что плоть Гомо Сапиенс мешает человеку быть собой и после смерти он способен обособиться, обратившись в то, ради чего и создан: «одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира»⁴⁶. Фактически здесь идет речь о формировании качественно нового варианта самоосознания Вселенной, которая создает для этого преображенное из зрения человека «всевидящее око», а работа художника оказывается его фактическим воплощением.

⁴³ Набоков В. Собр. соч. американского периода. Т. 3. С. 595.

⁴⁴ Набоков В. В. Дар. С. 147.

⁴⁵ Цит по: Александров В. Е. Набоков и потусторонность. С. 38.

⁴⁶ Набоков В. В. Дар. С. 277.

Кафедра истории русской литературы
Факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

**ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ
(1920–1940-е годы)
Взгляд из XXI века**

Материалы
Международной научно-практической конференции
4–6 октября 2007 года

*Под редакцией
Л. А. Иезуитовой, С. Д. Титаренко*

Санкт-Петербург
2008